

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2024. Том 28, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1.09"1917/1991"
ББК 83.3(2=411.2)6-8 Булгаков М.А.,4
DOI 10.18522/1995-0640-2024-2-113-129

ОБРАЗ ТУЧИ В ИСТОРИИ ТЕКСТА РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Елена Юрьевна Колышева

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Аннотация. В центре внимания – становление образа тучи в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Предпринята попытка понять авторский замысел на основе текстологического анализа романа. При изучении образа тучи в ершалаимском и московском пространстве делается вывод, что он принадлежит миру Воланда. История текста романа демонстрирует, что образ тучи выполняет несколько функций: предостережение и стремление остановить героев от совершения ошибки; очищение, которое необходимо пройти перед началом новой жизни; средство, соединяющее ершалаимское и московское пространство романа как знак «мировой катастрофы».

Ключевые слова: история текста, текстологический анализ, Булгаков, «Мастер и Маргарита», образ тучи

Для цитирования: Колышева Е. Ю. Образ тучи в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 2. С. 113–129.

Original article

THE CLOUD IMAGE IN THE HISTORY OF THE TEXT OF M.A. BULGAKOV'S NOVEL "MASTER AND MARGARITA"

Elena Yu. Kolysheva

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The focus is on the formation of the cloud image in the history of the text of M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". We try to understand the author's plan based on the textual analysis of the novel. Having considered the cloud image in the Ershalaim and Moscow spaces of the novel, the author of the article concludes that this image belongs to Woland's world. The history of the text demonstrates that the cloud image performs several functions: warning and striving to stop the heroes from making a mistake; purification, which must be passed before the start of a new life; funds connecting the Ershalaim and Moscow spaces of the novel as a sign of "the world catastrophe".

Key words: creative history, textual analysis, M.A. Bulgakov, "The Master and Margarita", cloud image

For citation: Kolysheva E.Yu. The cloud image in the history of the text of M.A. Bulgakov's novel "Master and Margarita" // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2024. Vol. 28, № 2. P. 113–129.

Введение

В данной статье впервые предпринята попытка рассмотреть образ тучи в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на основе текстологического анализа.

Мы опираемся на установленные нами систему редакций романа и его основной текст, максимально отражающий последнюю творческую волю писателя: первая (1928–1930), вторая (1932–1936), третья (1936), четвертая (1937), пятая (последняя рукописная, 1937–1938), шестая (окончательная, 1938–1940) [Булгаков, 2014, т. 1, 2].

Текст черновиков передается методом динамической транскрипции, что позволит сделать зримым процесс писательской работы над произведением и увидеть становление авторского замысла. Для этого используются графические условные обозначения: 1) текст, вычеркнутый писателем, – [текст]; 2) вставка в процессе письма – текст; 3) вычеркнутая вставка первого слоя – [текст]; 4) более поздняя вставка – {текст}; 5) конъектура – <текст>; 6) достоверность передаваемого авторского текста – <sic>; 7) завершение страницы и переход к следующей обозначены как ||. При цитировании текста черновиков сохраняются авторская орфография и пунктуация.

Исследование и его результаты

Образ тучи в ершалаимском пространстве романа

Образ тучи появляется в романе «Мастер и Маргарита» в первой редакции (1928–1930), в рамках работы над которой Булгаков создает два варианта главы, повествующей о ершалаимской истории. Первый включает в себя допрос и казнь, второй – допрос, казнь, встречу Пилата и Толмая (будущего Афрания), убийство Иуды (без эпизода совершения убийства). Две тетради с текстом первой редакции были сильно повреждены писателем, особенно пострадал первый вариант главы, поэтому при его цитировании мы приводим фрагменты сохранившегося текста – нередко только фрагменты слов. Как и в тексте последней (шестой) редакции, образ тучи здесь фигурирует в эпизодах казни.

1. Левий Матвей проклинает Бога – туча начинает закрывать небо.

В первом варианте главы первой редакции в эпизоде казни сообщается, что над процессией летал «могильник», который «любил сопровождать» казни. Небо в этот момент «стало фиолетовым». В процессе письма Булгаков в этом предложении вносит правку: «[стало] разлился фиолетовым. свет» [Булгаков, ф. 562, ед. хр. 1, л. 39 об.]. О том, что эта деталь несет большую смысловую нагрузку и Булгаков тщательно работал над ней, свидетельствует продолжение этого фрагмента: «никто из присутствующих или наблюдавших <<не п>онял значения этого», «человек догадался», что «<в не>бе на большой вы<соте>» «<кружен>ие стервятника» – «светящихся мечей» – «погребение», «люди, быв<шие свидетелями> этого происше<ствия> приняли все» «шестие за || тучу с отдаленн» [Булгаков, ф. 562, ед. хр. 1, л. 39 об. – 40]. По всей видимости, здесь все шестие, сопровождавшее Иешуа на казнь, уподобляется туче.

Уже здесь есть наблюдатель за казнью Иешуа, обращающийся к Богу и упрекающий Его в несправедливости казни Иешуа: «мой Господи!» – «Зачем, Господи». Но это не Левий Матвей. Наблюдателем казни в первом варианте главы является Иуда, он сокрушается, почему не сжег «в печке эти д<еньги>». После этого Иуда «снял с себя пояс» – привязал его «методиче-

ски на || суку, поглядев в» «тучу с фиолето» [Булгаков, ф. 562, ед. хр. 1, л. 39 об. – 40].

Примечательно, что образ тучи, предположим, с фиолетовыми краями сохранится в истории текста романа вплоть до работы над шестой (окончательной) редакцией романа: «Над Ершалаимом плыл[а]о уже не фиолетов[ая]ое с белой опушкой покрывало, а обыкновенная серая арьергардная туча» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 435].

Во *втором варианте главы первой редакции* в этом эпизоде тучи нет: Левий «...смотрел на восток и начинал надеяться, что [это] {там} туча. Но одной тучи мало. Нужно еще **чтобы она** пришла на холм, нужно чтобы гроза началась, а когда гроза начнется и этого мало, нужно чтобы молния ударила, да ударила именно в крест Иешуа» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 70]. Отсутствие тучи здесь связано с тем, что Левий не проклинает Бога.

Эпизод проклятия Левием Матвеем Бога Булгаков вводит в рамках работы над *второй редакцией романа* (глава «На Лысой Горе») – в период написания вариантов глав и создания новых (не ранее 30 октября 1934 г. – не позднее 21 июня 1935 г.). В качестве ответа на проклятия Левия все вокруг поглощает тьма, но слово «туча» Булгаков при этом не использует: «[Мимо него] Он, [гля] оглянулся в последний раз и увидел, что все изменилось вокруг. Исчезло солнце, [все кругом по] потемнело сразу, пробежал ветер, шевельнув чахлую растительность меж камней...» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 334]. Присутствие тучи передается посредством использования безличного глагола «потемнело».

В следующий раз над эпизодами казни Булгаков работает в рамках *пятой редакции* – в главе «На Лысой Горе (Казнь)».

Пятая редакция	Шестая редакция
«По небу с запада поднималась грозно и неуклонно, сожрав солнце грозовая туча. Края ее уже вскипали белой пеной, черное дымное брюхо отсвечивало желтым. Туча рычала, огненные нити вываливались из нее[, туча ворчала]. <...> В испуге и отчаянии глянул в небо, в котором стервятники ложились на крыло, чтобы уходить от грозы, в испуге подумал, что поспешил с проклятиями и заклинаниями и Бог не послушает его» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 644].	«Поглотив его, по небу с запада поднималась грозно и неуклонно грозовая туча. Края ее уже вскипали белой пеной, черное дымное брюхо отсвечивало желтым. Туча ворчала и из нее время от времени вываливались огненные нити. <...> В раскаянии глядя в чистое небо, которое еще не пожрала туча и где стервятники ложились на крыло, чтобы уходить от грозы, Левий подумал, что безумно поспешил со своими проклятиями. Теперь бог не послушает его» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 313].

В этом фрагменте Булгаков использует глаголы несовершенного вида, тем самым помещая читателя в момент совершения действия [Девятова, 2021], читатель становится наблюдателем, глядя на происходящее глазами Левия Матвея, и подчеркивая величественность движения тучи («поднималась грозно и неуклонно») – такой же способ Булгаков использует и при создании образа солнца в ершалаимском пространстве романа [Колышева, 2023].

Текст пятой редакции здесь практически полностью совпадает с *шестой редакцией*, за исключением следующего:

1) в шестой редакции Булгаков возвращается к глаголу «ворчать», которому в пятой редакции он предпочел глагол «рычать»: «туча рычала» – «туча ворчала».

В словаре В. И. Даля *рычать* – «реветь по-звериному, диким, зычным и грубым голосом» [Даль, 2003, т. 4, с. 117]; *ворчать* – «изъявлять неудовольствие свое полугласным бормотом; о звере: издавать сердитый, не громкий голос, ему свойственный; о чел. щунять, журить кого; брюзжать, браниться <...>» [Даль, 2003, т. 1, с. 242]. Таким образом, Булгаков смягчает действие тучи – туча сердится и показывает свое неудовольство происходящим;

2) писатель в шестой редакции подчеркивает, что в этот момент туча не закрывает полностью небо, добавив эпитет «чистое»: «глянул в небо» – «глядя в чистое небо»; по сути, здесь Булгаков идет на контекстный лексический повтор, усиливая образ, создаваемый обособленным обстоятельством «глядя в чистое небо», использованием придаточного определительного «которое еще не пожрала туча».

То есть для создания образа тучи используется прием олицетворения.

II. Дисмас обвиняет в несправедливости кентуриона, давшего Иешуа Га-Ноцри напиток, – туча накрывает место казни.

Этот этап движения тучи Булгаков вводит только в *шестой редакции*: «Пыльная туча накрыла площадку, сильно потемнело» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 315].

III. Перед гибелью Иешуа туча стремится накрыть Ершалаим и заливает полнеба.

В *первом варианте главы первой редакции* разбойник, казнимый вместе с Иешуа, видит тучу в тот момент, когда «центурион», дав Иешуа напиток, колет его копьем и тот обвисает на растянутых руках («обвисая на растя») [Булгаков, ф. 562, ед. хр. 1, л. 41 об.].

Во *второй редакции* туча не предшествует гибели Иешуа – в этом эпизоде фигурирует только ветер, поднимающий тучу пыли: «...Славь великодушного кесара, – звучно сказал кентурион и тут ветер поднял в глаза Га-Ноцри тучу красноватой пыли» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 335].

В *пятой редакции* Булгаков вводит стремление тучи захватить не только место казни, но город в целом.

Пятая редакция	Шестая редакция
«И тут тяжко ударило над самым холмом. Туча залила половину неба. Дуло холодом, белые стремительные, рваные облака неслись впереди шевелящейся напоенной черной влагой и огнем тучи» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 646].	«Становилось всё темнее. Туча залила уже полнеба, стремясь к Ершалаиму, белые кипящие облака неслись впереди напоенной черной влагой и огнем тучи. Сверкнуло и ударило над самым холмом» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 316].

IV. После констатации того, что Иешуа мертв, – «тьма закрыла Ершалаим».

В *первой редакции* в *первом варианте главы* в момент произнесения Иешуа последних слов «молнии уже кроили», «<пыл>ал костер» [Булгаков, ф. 562, ед. хр. 1, л. 42 об.].

Во *втором варианте главы первой редакции* образ тучи появляется перед произнесением Иешуа последних слов – она накрывает город: «Кровь из прободенного бока вдруг перестала течь, сознание в нем быстро стало угасать. Черная туча начала застилать мозг. Черная туча начала застилать и окрестно-

сти Ершалаима. Она шла с востока и молнии уже кроили ее, **в ней погромыживали** а на западе еще пылал костер <...>» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 72]. Булгаков использует глаголы несовершенного вида и составные глагольные сказуемые с глаголом «начала», благодаря чему движение тучи, закрывающей город, показано как процесс, а не как уже свершившееся действие.

Во *второй редакции* сразу после того, как Иешуа умирает, туча также еще не закрывает город полностью – она приближается к Ершалаиму, находится «рядом» с ним:

«Над холмами [*вдали*] рядом с Ершалаимом ударило и Ершалаим трепетно осветило.

Кентурион тревожно[,] покосившись на грозовую тучу, в пыли подошел ко второму кресту <...>» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 335].

После казни третьего разбойника и приказа снимать цепь масштаб происходящего на небе увеличивается: «Тотчас взрезало небо огнем и хлынул дождь на Лысый Холм и снизился стервятник» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 335]. Этот масштаб сохранится и в *пятой редакции*. И только при работе над *шестой редакцией* Булгаков вводит в этом эпизоде переход от полутьмы к тьме, используя контекстные синонимы «туча – тьма», так как город, накрытый полностью тучей, оказывается погруженным во тьму.

Пятая редакция	Шестая редакция
«После этого трибун сделал знак кентуриону и начал уходить с вершины. Крик кентуриона “Снимай цепь!” утонул в грохоте с неба. Счастливые солдаты кинулись бежать с холма, надевая шлемы» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 647].	«После этого трибун сделал знак кентуриону и, повернувшись, начал уходить с вершины вместе с начальником храмовой стражи и человеком в капюшоне. Настала полутьма, и молнии бороздили черное небо. Из него вдруг брызнуло огнем, и крик кентуриона: – Снимай цепь! – утонул в грохоте. Счастливые солдаты кинулись бежать с холма, надевая шлемы. Тьма закрыла Ершалаим» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 316].

V. Ожидание Пилатом Афрания происходит в одно время с гибелью Иешуа – связь этих эпизодов Булгаков подчеркивает с помощью движения тучи.

Во *втором варианте главы первой редакции* эпизод ожидания Пилатом Толмая (будущего Афрания) выстраивается параллельно с казнью и гибелью Иешуа (напомним, в первом варианте главы ершалаимская история завершается гибелью Иешуа): «...В тот час, когда туча уже накрыла пол-Ершалаима и пальмы стали тревожно качать своими махрами Пилат сидел на балконе, с раскрытым воротом и задрал голову» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 72].

Встреча Пилата и Толмая происходит в одно время с гибелью Иешуа: «Ветер вдруг загремел на балконе, пальмы согнуло, небо от края до края распоролось косым слепящим зигзагом и сразу плеснуло в лицо Пилату. Стало темно. <...> Пилату показалось, что он увидел как **одинокий** крохотный черный человечек карабкался вверх на холм» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 74].

В процессе работы над *пятой редакцией* романа Булгаков выстраивает эпизод ожидания Пилатом Афрания в одно время с гибелью Иешуа – Пилат видит, как тьма поглощает город.

Пятая редакция	Шестая редакция
<p>«[Гроза гнула и ломала гранатовые деревья, трепала розовые кусты, и в колоннаду влетали тучи водяной пыли. Фонтана не было слышно, все звуки пожрала гроза, обрушившаяся на Ершалаим. <i>Ежесекундн</i>]</p> <p>Громадный город исчез в[о] кипящей мгле. Пропали висячие мосты у храма, ипподром, дворцы, как будто их и не было на свете» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 769].</p>	<p>«Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней. Опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, хасмонейский дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Ершалаим, великий город, как будто не существовал на свете. Всё пожрала тьма, напугавшая всё живое в Ершалаиме и его окрестностях. Странную тучу принесло со стороны моря к концу дня, четырнадцатого дня весеннего месяца нисана» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 434].</p>

Образы грозы и мглы пятой редакции в дальнейшем Булгаков заменяет образом тьмы.

Гроза, мгла и тьма поглощают город полностью: «все звуки пожрала гроза» – «город исчез во мгле» – «все пожрала тьма».

Булгаков подчеркивает неестественный характер тьмы/тучи: «странная туча», «тьма, напугавшая все живое» и вводит олицетворение: «город исчез во мгле» – «тьма накрыла город», «опустилась бездна». Глагол «исчез» имеет значение мгновенного действия, глаголы «накрыла» и «опустилась» создают величественную картину постепенного завладения городом.

В пятой редакции Булгаков использует краткое описание свершившегося действия – небо обрушилось и пожрало город. В шестой редакции он дает описание процесса – туча постепенно овладевает городом, для чего используются лексический («навалилась») и фонетический повтор («навалилась – вливалась»).

Пятая редакция	Шестая редакция
<p>«Но время от времени, когда огонь зарождался и трепетал в небе, [<i>упавшем</i>] обрушившемся на [н] Ершалаим и пожравшем его <...>» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 769].</p>	<p>«Она уже навалилась своим брюхом на [л]Лысый Череп, где палачи поспешно кололи казнимых, она навалилась на храм в Ершалаиме, сползла дымными потоками с холма его и залила Нижний Город. Она вливалась в окошки и гнала с кривых улиц людей в дома» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 434].</p>

Образ тьмы как бездны представляется писателем как провал, пропасть, о чем свидетельствует выбор слов «погружался», «проваливался», «провал»: «храм уходил в бездну» – «храм погружался в темную бездну» (бездонность бездны подчеркивается введением эпитета «темная»); «грохот катастрофы сопровождал его уход» – «этот провал сопровождался грохотом катастрофы». Действие подчеркивается трижды, причем с использованием контекстных синонимов и однокоренных слов: «погружался» – «опять проваливался» – «провал».

Пятая редакция	Шестая редакция
«...вдруг из хаоса грозового светопредставления, [выс] выростала на холме многоруш[ый]ая [глыба] как бы снежная глыба храма с золотой чешуйчатой головой. Но пламя исчезало в дымном черном брюхе и храм уходил в бездну. И грохот катастрофы сопровождал его уход» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 769].	«Лишь только дымное черное варево распарывал огонь, из крошечной тьмы взлетала вверх великая глыба храма со сверкающим чешуйчатым покровом. Но он угасал во мгновение, и храм погружался в темную бездну. Несколько раз он выскакивал из нее и опять проваливался, и каждый раз этот провал сопровождался грохотом катастрофы» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 434].

Правка в пятой редакции формы единственного числа из формы множественного позволяет увидеть, что Булгаков стремился создать образ одной тучи, накрывающей город, тем самым подчеркивая ее масштаб.

Пятая редакция	Шестая редакция
«<...> над Ершалаимом [летели] плыло уже не фиолетов[ый]ое с бел[ыми]ой опушк[ами]ой покрывало, а обыкновенная серая туча. Грозу сносило к Мертвому Морю» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 770].	«Над Ершалаимом плыл[а]о уже не фиолетов[ая]ое с белой опушкой покрывало, а обыкновенная серая аррьергардная туча. Грозу сносило к Мертвому морю» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 435].

Примечательно, что во второй редакции Булгаков также пробовал ввести образ второй тучи (в одном из эпизодов полета мастера, Маргариты и Азазелло, когда они переживают грозу в Большом театре), но отказался от этого замысла, вычеркнув фрагмент: «[*Снаружи ежесекундно вспарывало || небо огнем, молния чертила и висла паутиной. Вначале лило сплошной стеной, но лишь только желтова<та>я туча сменила черную, град величиной в вишню косо стал громить стекла и был так густ, что сплошной пеленой покрыл мостовую. Град кончился и вновь хлынуло с неба*]» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 285].

Таким образом, начиная с первой редакции романа Булгаков использует образ тучи, сопровождающей гибель Иешуа. С помощью приемов олицетворения и градации писатель выстраивает движение тучи, поглощающей город. Его каждый этап является откликом на действия, происходящие на земле.

Использование тучи в эпизодах казни обусловлено тем, что туча – образ, связанный с евангельской историей. «*Евангелие сообщает, что смерть Иисуса Христа сопровождалась грозными природными явлениями – наступлением тьмы и землетрясением (Мф., 27:45–51; Мк., 15:33–38; Лк., 23:44–46). Булгаков, видимо, размышлял о возможности затмения в полнолуние: сохранилась его выписка из Штрауса на эту тему: “Причиною тьмы, которую один Лука определяет более точным образом, как затмение солнца, не могло быть естественное затмение: в то время было пасхальное полнолуние. <...> (Штраус “Жизнь Иисуса”, т. II, стр. 250)”. Вероятно, поэтому как причину наступления тьмы он вводит мотив грозы, о которой не упоминается в Евангелии*» [Лескис, Атарова, 2007, с. 399].

В первой редакции с образом оказываются связанными только Иешуа и Пилат, во второй и далее – другие герои.

Образ тучи в московском пространстве романа

Во *второй редакции* романа образ тучи появляется в московском – современном пространстве романа:

1. Избиение Варенухи.

Данный эпизод Булгаков создает в рамках работы над *второй редакцией* романа, где он пишет два варианта главы о финансовом директоре и администраторе, ожидающих Степу Лиходеева.

В *первом варианте главы* (не ранее 1 июля – не позднее 1 сентября 1933 г.) образов ветра, тучи, молнии, грома, ливня и грозы, сопровождающих избиение Варенухи в окончательном тексте, нет: «И тут безумный администратор [и т.] почувствовал, что стены уборной завертелись и тут же исчезли и первый злодей и второй» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 190].

Во *втором варианте главы* (не ранее 30 октября 1934 г. – не позднее 21 июня 1935 г.) в рассматриваемом эпизоде Булгаков вводит образ ветра, привлекающего внимание администратора: «Ветер дунул в лицо администратору и в верхушках лип прошумело. Варенуха поднял голову и увидел, что темнеет. Сильно посвежело» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 315]. Образ тучи здесь просматривается сквозь призму безличного глагола «темнеет». Примечательно, что в этот же период Булгаков использует этот же способ создания образа и в ершалаимском пространстве – в эпизоде проклятия Левию Матвеем Бога («потемнело сразу»).

В следующий раз писатель работает над данной главой в рамках *четвертой редакции*, где вводит образ «грозовой тучи», надвигающейся на Варенуху.

Начиная с *пятой редакции* Булгаков использует природные образы здесь для того, чтобы остановить героя от совершения ошибки (Варенуха собирается совершить донос на Лиходеева) и тем самым спасти.

Четвертая редакция	Пятая редакция	Шестая редакция
«Ветер дунул в лицо администратору и в верхушка<х> лип прошумело. Потемнело. Сильно посвежело».	«Ветер дунул в лицо администратору и засыпал глаза песком, как бы преграждая ему путь, как бы предостерегая. Хлопнуло в здании окно, так что, чуть не вылетели стекла, в вершинах лип в саду прошумело тревожно. Потемнело и посвежело».	«В саду ветер дунул в лицо администратору и засыпал ему глаза песком, как бы преграждая путь, как бы предостерегая. Хлопнула во втором этаже рама так, что чуть не вылетели стекла, в вершинах кленов и лип [как-то] тревожно прошумело. Потемнело и посвежело».
«Варенуха поднял голову и увидел, что над Москвой уже близко, почти задевая краем летний сад грозная туча» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 462].	«Администратор протер глаза и увидел, что над Москвой низко, почти задевая краем летний сад, ползет желтобрюхая грозная туча. Проворчало густо» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 582].	«Администратор протер глаза и увидел, что над Москвой низко ползет желтобрюхая грозная туча. Вдали густо заворчало» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 237].

В *пятой редакции* Булгаков также использует образ «грозовой тучи», но вводит эпитет «желтобрюхая», тем самым соединяя пространство Ершалаима и Москвы, так как в этот же период работы над романом в эпизоде проклятия

Левием Матвеем Бога на Ершалаим начинает надвигаться именно такая туча, напомним: «Края ее уже вскипали белой пеной, черное дымное брюхо отсвечивало желтым» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 644]. Как видим, образ желтобрюхой тучи в эпизоде избиения Варенухи появляется раньше, чем в главе, повествующей о казни Иешуа Га-Ноцри.

О том, что перед нами та же самая туча, что и на небе Ершалаима в вышеупомянутом эпизоде, говорит и действие «ворчать», передаваемое снова с помощью безличного глагола и принадлежащее туче. Разница между использованием глагола «ворчать» в этом эпизоде в пятой и шестой редакциях заключается в выборе приставки: действие завершилось «проворчало густо» – действие началось «вдали густо заворчало». Напомним, что в эпизоде с Левием Матвеем Булгаков менял само действие: «туча ворчала – рычала – ворчала», остановив свой выбор на глаголе, означающем предупреждение, недовольство происходящим.

Пространство, закрываемое тучей, и находящиеся в нем Варенуха и избившие его Бегемот и Азазелло противопоставляются всему живому, как в эпизоде ожидания Пилатом Афрания в момент гибели Иешуа Га-Ноцри подчеркнут неестественный характер тьмы/тучи («странная туча», «тьма, напугавшая все живое»).

Четвертая редакция	Пятая редакция	Шестая редакция
«Все живое скрылось в подъездах, подворотнях [в] под выступлениями. Спассти Василия Васильевича было некому» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 463–464].	«Все живое смело с Садовой и спасти Ивана Савельевича было некому» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 583].	«Всё живое смылось с Садовой и спасти Ивана Савельевича было некому» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 238].

II. Иван Бездомный бросает писать заявление.

Этот эпизод Булгаков создает в рамках работы над второй редакцией – в первом варианте главы (не ранее 1 июля – не позднее 1 сентября 1933 г.), где вводит образ тучи. Во втором же варианте эпизода он отсутствует. Булгаков возвращается к нему в контексте работы над четвертой редакцией романа. Текст рассматриваемого фрагмента пятой редакции практически без изменений вошел в шестую редакцию романа.

Вторая редакция, первый вариант главы	Четвертая редакция	Пятая редакция
«К вечеру пришла черная туча в Бор, роща зашумела, похолодело. Потом [начались] удары грома и [мимо окна] начался ливень. У Ивана за решеткой открыли окно и он долго дышал озонем» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 219].	«И к тому времени, как появилась [туча] за рекой страшная туча с дымящимися краями и желтоватым мутным брюхом [и заворчало] и проворчало далеко и дунул ветер, Иван почувствовал, что обессилел, что с заявлением ему не совладать и разлетевшиеся листки даже не стал поднимать и заплакал» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 465].	«К тому времени, как появилась издалека пугающая туча с дымящимися краями и накрыла бор и дунул ветер, Иван почувствовал, что обессилел, понял, что с заявлением ему не совладать и не стал поднимать разлетевшиеся листки и тихо и горько заплакал» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 585].

Во *второй редакции* романа Булгаков использует образ «черной тучи», как в эпизоде с Варенухой – «грозовой тучи».

В *четвертой редакции* изначально писатель планировал также взять образ тучи, но в процессе письма он меняет его – расширяет посредством использования эпитета «страшная» и несогласованного определения «с дымящимися краями и желтоватым мутным брюхом», тем самым вновь соединя ершалаимское и московское пространство романа. Иван Бездомный видит ту же самую тучу, что и Левий Матвей, проклинающий Бога. Как и в ершалаимском эпизоде, туча ворчит – Булгаков пробует варианты безличного глагола: «заворчало – проворчало» (в эпизоде с Варенухой – «проворчало – заворчало»). Из эпизода с Иваном Бездомным четвертой редакции образ ворчащей желтобрюхой тучи с дымящимися краями перейдет в *пятой редакции* сначала в эпизод избияния Варенухи и только потом в эпизод с Левием Матвеем.

В *пятой редакции* Булгаков меняет эпитет образа тучи «страшная» на «пугающая», тем самым подчеркивая, что именно из-за того, что туча напугала Ивана, он бросает писать заявление. Таким образом, в этом эпизоде образ тучи выполняет функцию предостережения, останавливает героя от совершения ошибки.

III. Мастер и Маргарита покидают Москву.

Линию мастер – Маргарита писатель вводит в роман во второй его редакции. Эпизоды, повествующие о том, как мастер и Маргарита после отравления покидают Москву, здесь более насыщенные, нежели на последующих этапах работы над романом, и составляют несколько глав (не ранее 15 сентября – не позднее 21 сентября 1934 г.).

В рамках работы над окончательной (шестой) редакцией романа – при диктовке машинописного текста в 1938 г. – Булгаков выстраивает движение мастера и Маргариты, покидающих город, синхронно с тучей:

1. Мастер и Маргарита, вернувшись к жизни после отравления, собираются в путь. Если в пятой редакции в этот момент их сопровождает гроза, то в шестой автор вводит предложение «Темнеет».

Пятая редакция	Шестая редакция
«...нам пора. Уже гремит гроза, вы слышите? И кони роют землю, содрогаются маленький сад» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 826].	«...вам пора. Уже гремит гроза, вы слышите? Темнеет. Кони роют землю, содрогаются маленький сад» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 503].

2. Мастер и Маргарита поднимаются в небо – над ними стоит «низкая черная туча».

За глаголом «темнеет», как и в других подобных случаях в романе, стоит образ тучи, который Булгаков вводит здесь также в шестой редакции: в начале пути героев встречает ветерок (вторая редакция) – гроза (пятая редакция) – черная туча (шестая редакция).

Вторая редакция	Пятая редакция	Шестая редакция
«Взвились со двора. <...> Дымный Ветерок ударил в лицо, волосы разметал» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 282].	«...Отрежу руку! – свистнул и кони, ломая ветви, взвились» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 827].	«...Отрежу руку! – он свистнул, и кони, ломая ветви лип, взвились и вонзились в низкую черную тучу» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 504].

3. Мастер и Маргарита летят вместе с тучей, что Булгаков подчеркивает посредством использования обстоятельства образа действия «вместе». В шестой редакции автор добавляет наречие «стремительно», тем самым характеризую скорость полета.

Пятая редакция	Шестая редакция
«Вместе с невидимыми всадниками летела над Москвой туча, но еще не брызгала дождем» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 827].	«Навстречу летящим стремительно летела туча, но еще не брызгала дождем» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 504].

4. Мастер и Маргарита пролетели над городом – туча/темнота закрывает город: «Они пролетели над городом, который уже заливала темнота» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 504].

Таким образом, в *шестой редакции* Булгаков соединяет движение мастера и Маргариты и тучи. Он использует прием градации, как и в эпизодах казни Иешуа Га-Ноцири. Туча сопровождает мастера и Маргариту на пути к новой жизни, постепенно поглощая город, который они покидают.

Но сам образ тучи появляется в романе во второй редакции – в эпизоде, когда мастер и Маргарита летят над городом: «Стало темно. Туча в три цвета, поднялась с неестественной быстротой. Впереди бежали клубы белого, обгоняя друг друга, потом ползло широкое черное и закрыло полмира, а потом мутно-желтое, которое холодя сердце неуклонно [*шло*] **подымалось** из-за [*туч*] крыш» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 284]. Перед нами первое в истории текста романа появление желтобрюхой тучи, которое на последующих этапах работы перейдет в другие эпизоды – с Иваном Бездомным (четвертая редакция), Варенухой (пятая редакция), Левием Матвеем (пятая редакция) – и станет скрепой, соединяющей московское и ершалаимское пространство романа.

Таким образом, в московском пространстве образ тучи выполняет следующие функции:

1) предостережение и стремление остановить героя от совершения ошибки, как и в эпизоде с Левием Матвеем в ершалаимском пространстве (не случайно использование одного и того же образа желтобрюхой тучи);

2) очищение, которое необходимо пройти перед началом новой жизни (туча оказывается рядом с героями в самом начале их пути к исправлению/воскресению, шанс для которого им дается).

Образ тучи в пространстве тьмы

В романе «Мастер и Маргарита» данные функции принадлежат ведомству Воланда [Kolysheva, 2020]. Вся система образов героев московских глав строится на встрече с Воландом и его свитой: каждый персонаж проходит проверку, получает наказание и при этом шанс на исправление. В связи с данными функциями туча становится маркером пространства Воланда.

I. Туча движется с запада.

В *пятой редакции* в эпизоде проклятия Левием Матвеем Бога Булгаков вводит важную характеристику тучи – она движется с запада, «...традиционного локуса дьявола в христианской “географии”, – свидетельство вмешательства иной, чем Бог, силы...» [Белобровцева, Кульюс, 2006, с. 275]: «По || небу с запада поднималась грозно и неуклонно, сожрав солнце грозная туча» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 644]. Запад «символизирует сон, отдых, тайну смерти... Святой Иеремия считал, что на западе – сатана» [Тресиддер, 1999].

И. З. Белобровцева и С. К. Кульюс обратили внимание на то, что «в ранних вариантах МиМ черная туча шла с востока» [Белобровцева, Кульюс, 2006, с. 275]. Речь идет о втором варианте главы первой редакции, здесь дважды упоминается движение тучи с востока:

1. В эпизоде проклятия Левию Матвеем Бога: Левий «...смотрел на восток и начинал надеяться, что [это] {там} туча» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 70].

2. В эпизоде гибели Иешуа: «Она шла с востока и молнии уже кроили ее, в ней погромыхивали а на западе еще пылал костер <...>» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 72].

Восток «почти всегда символизирует свет, источник жизни, солнце и богов солнца, юность, воскрешение, новую жизнь. <...> На востоке располагался ... Эдем у христиан и у иудеев, родина героев, дом предков ... В православии и исламе молящиеся обращаются лицом на восток...» [Тресиддер, 1999]. Как видим, Булгаков перемещает направление движения тучи, тем самым подчеркивая ее связь с пространством Воланда.

В пятой же редакции автор пробовал ввести движение тучи с запада в московском пространстве романа – в эпизоде отравления мастера и Маргариты – как средство, соединяющее его с ершалаимским пространством, но впоследствии отказался от этого: «В это время [стало] начало темнеть. С западного края неба поднималась туча[.]; в переулке понесло по булыжной мостовой сор, окурки, пыль» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 825].

В московском пространстве Булгаков вводит движение тучи с запада в шестой редакции – в эпизоде наблюдений Воланда за городом с крыши «самого красивого здания в Москве» перед тем, как покинуть его: «Черная туча поднялась на западе и до половины отрезала солнце. <...> Эта тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 494]. Следует обратить внимание, что Булгаков использует лексический повтор «на западе – с запада» в рядом стоящих предложениях.

II. Туча – тьма – бездна.

При работе над последней (шестой) редакцией романа в эпизоде ожидания Пилатом Аффания в один лексико-семантический ряд с контекстными синонимами «туча – тьма» включается слово «бездна»: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. <...> Опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом <...>» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 434]. Писатель использует прием градации – движение тучи по нарастающей: туча накрывает небо наполовину – наступает полутьма, полностью – тьма, поглощает город – бездна.

Бездна – пространство Воланда: бездна / провал – пространство, в которое уходят Воланд и его свита. Для сравнения обратимся к эпизоду прощения Пилата (глава 32).

Пятая редакция	Шестая редакция
«С последним словом Воланда Ершалаим ушел в бездну, а вслед за ним в ту же черную бездну кинулся Воланд а за ним его свита» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 836].	«Тогда черный Воланд, не разбирая никакой дороги, кинулся в провал и вслед за ним, шумя, обрушилась его свита. Ни скал, ни площадки, ни лунной дороги, ни Ершалаима не стало вокруг» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 515].

III. Портрет Воланда в эпизоде последнего полета.

В этом эпизоде туча является атрибутом портрета Воланда – грива коня Воланда является тучей, начиная с пятой редакции романа.

Пятая редакция	Шестая редакция
«Впереди кавалькады скакал Воланд, принявший свое настояще ^{<e>} обличье. [<i>Вместо</i>] Повод его коня был ^{<sic>} сделаны из лунных цепей, конь его был глыбой мрака, грива тучей, шпоры звездами» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 833].	«И, наконец, Воланд летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что возможно, что это ^{<лунные>} цепочки, и самый конь только глыба мрака, и грива этого коня – туча, а шпоры всадника – белые пятна звезд» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 512].

Впервые в истории текста романа эпизод последнего полета появляется во *второй редакции*. В обоих вариантах главы слово «туча» не используется, но слова, которые входят в один лексико-семантический ряд в контексте истории текста романа «Мастер и Маргарита», позволяют соотнести образ Воланда с образом тучи.

Вторая редакция, первый вариант главы (не ранее 21 сентября – не позднее 30 октября 1934 г.)	Вторая редакция, второй вариант главы (6 июля 1936 г.)
«Тут последовало преобразование Воланда. С него упал черный бедный плащ. На голове у него оказался берет и свисло набок петушье перо. [<i>Бархатный колет</i>] Воланд оказался в черном бархате и тяжелых сапогах с тяжелыми стальными звездными шпорами» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 291–292].	«Тьма вдруг налетела на луну, жаркое фырканье ударило в затылок мастеру. Это Воланд поравнялся с мастером и концом плаща резнул его по лицу. <...> Мастер, вздрогнув, всмотрелся в самого Воланда; тот преображался постепенно, или вернее не преображался, а лишь точнее и откровеннее обозначался при луне» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 356].

Атрибут портрета Воланда в *первом варианте главы* «звездные шпоры» позволяет соотнести его с ночью, тьмой, которой Воланд непосредственно является во *втором варианте главы*: «Тьма вдруг налетела на луну <...> Это Воланд поравнялся с мастером <...> не преображался, а лишь точнее и откровеннее обозначался при луне».

Сравним с портретом Геллы в эпизоде последнего полета в *пятой редакции*: «Геллу ночь закутала в плащ так, что ничего не было видно, кроме белой кисти, державшей повод. [*Она*] Гелла летела || как ночь, улетающая в ночь» [Булгаков, 2014, т. 1, с. 833]. Этот портрет свидетельствует о том, что героиня, как и Воланд, не просто принадлежит пространству тьмы, но сама является тьмой.

В связи с этим целесообразно сопоставить движение мастера и Маргариты, покидающих город, и наблюдение Воланда за городом с крыши «самого красивого здания в Москве» перед тем, как оставить его. В шестой редакции – в процессе диктовки машинописного текста в 1938 г. – Булгаков выстраивает действия героев параллельно, используя образ тучи.

	Мастер и Маргарита	Воланд
Мастер и Маргарита собираются в путь	«...Уже гремит гроза, вы слышите? Темнеет» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 503].	«Гроза, о которой говорил Воланд, уже скопьялась на горизонте».
Мастер и Маргарита поднимаются в небо – над ними стоит «низкая черная туча»	«...ломаю ветви лип, взвились и вонзились в низкую черную тучу».	«Черная туча поднялась на западе и до половины отрезала солнце».
Мастер и Маргарита летят вместе с тучей	«Навстречу летящим стремительно летела туча, но еще не брызгала дождем».	«Потом она накрыла его целиком. На террасе посвежело».
Мастер и Маргарита пролетели над городом – темнота закрывает город	«Они пролетели над городом, который уже заливала темнота» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 504].	«Еще через некоторое время стало темно» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 494].

С помощью образа тучи и повтора текста здесь автор соединяет ершалаимское и московское пространство и пространство Воланда: «Эта тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город. Исчезли мосты, дворцы. Всё пропало как будто этого никогда не было на свете. Через всё небо пробежала одна огненная нитка. Потом город потряс удар. Он повторился и началась гроза. Воланд перестал быть видим в ее мгле» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 494]. Как сама тьма, Воланд перестает быть видим во тьме.

Таким образом, история текста романа «Мастер и Маргарита» демонстрирует, что Булгаков соотносил образ Воланда и образ тучи, являющейся маркером его пространства – тьмы, бездны – и выполняющей функции его ведомства: предостережение от совершения ошибки, наказание, очищение, возможность возродиться к новой жизни, сопровождение к новой жизни.

Образ тучи – знак «мировой катастрофы»

В 1939 г. писатель создает два варианта эпилога, в которых использует образ тучи.

Первый вариант эпилога	Второй вариант эпилога
«И страшен не столько палач, сколько неестественное освещение во сне, происходящее от [того] тучи, [что] накатывающ[ая]ей на профессора, туч[а]и, которая пожрав солнце, пожрет и его самого. От этой тучи закричит самый храбрый в мире, начнет заламывать руки, но, вот, проснувшись не сумеет эту тучу описать» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 527].	«Но не столько страшен палач, сколько неестественное освещение во сне, происходящее от какой-то тучи, которая кипит и наваливается на землю, [т] как это бывает только во время мировых катастроф» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 537–538].

Во сне Иван Николаевич Понырёв видит тучу, поглощающую город в момент гибели Иешуа Га-Ноцри: «Несколько раз он (храм. – Е. К.) выскаки-

вал из нее и опять проваливался, и каждый раз этот провал сопровождался грохотом катастрофы» [Булгаков, 2014, т. 2, с. 434]. «*Параллелизм сцен иллюстрирует важнейший тезис писателя о повторении звеньев истории...*» [Белобровцева, Кульюс, 2006, с. 361]. С помощью образа тучи выстраивается связь между временами «мировых катастроф» – гибелью Иешуа Га-Ноцри и мастера, в наказание за которую город погружается во тьму.

Сопоставление данных фрагментов демонстрирует, что образ тучи здесь мыслился Булгаковым как символ внешних обстоятельств, способных свергнуть в состояние страха даже самого храброго человека. Тем самым автор подчеркивает мысль о неизбежности содеянного Пилатом. И вводит в эпилог слова Иешуа «казни не было», вызволяющие Пилата из бездны и дарующие ему покой, тем самым завершая разработку темы прощения и милосердия в контексте этого образа [Колышева, 2018, с. 447]. Истоки же мысли о силе обстоятельств заложены уже в *первой редакции романа во втором варианте главы*. Рассмотрим фрагмент, сохранившийся на оборванной странице. После того как «чентурион» по приказанию Пилата избивает Иешуа за то, что он называет прокуратора «добрым человеком», Пилат произносит: «видишь, что я злой», «нет», – отвечает ему Иешуа, – «ибо, если человека ||», «станет осторож-~~н~~ым», «добрый человек,» «с первого взгляда,» «<пре>восходительство,» «обстоятельства[...] сильнее» [Булгаков, ф. 562, ед. хр. 2, л. 33–33 об.].

Заключение

Таким образом, история текста романа Булгакова «Мастер и Маргарита» демонстрирует, что образ тучи принадлежит пространству Воланда и выполняет в романе следующие функции:

- 1) предостережение и стремление остановить от совершения ошибки;
- 2) очищение, которое необходимо пройти перед началом новой жизни.

Образ тучи в романе является средством, соединяющим ершалаимское и московское пространство романа: знаком «мировой катастрофы» и символом внешних обстоятельств, способных свергнуть в состояние страха даже самого храброго человека.

Список источников

Белобровцева И., Кульюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. Таллин: Арга, 2006. 420 с.

Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст: в 2 т. / сост., текстол. подгот., публ., предисл., коммент. Е. Ю. Колышева. М.: Пашков дом, 2014. Т. 1. 840 с.; Т. 2. 816 с.

Булгаков М. А. [«Мастер и Маргарита»] «Сын...», «<Гастроль...>», «<П[одкова иностранца?]>», «<Черный маг>» – роман (с вариантами названия). Первая редакция (главы 1 – начало 15-й). 1928(?) – начало 1929 г. Автограф карандашом и чернилами // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 562. К. 6. Ед. хр. 1. 180 л.

Булгаков М. А. [«Мастер и Маргарита»] [«Копыто инженера»] – роман. Вторая редакция (главы 1–4, конец 7-й, 15-я). Не ранее 1928 г. – не позднее мая 1929 г. Автограф карандашом и чернилами и рукою Л.Е. Белозерской // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 562. К. 6. Ед. хр. 2. 134 л.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А – З. М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. 699 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 : Р – В. М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. 688 с.

Девятова Н. М. Вводно-модальные слова и их прагматические смыслы // Филол. науки. Науч. доклады высшей школы. 2021. № 1. С. 14–20. DOI: 10.20339/PhS.1-21.014.

Кольшева Е. Ю. Солярное пространство в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (часть 1) // Филол. науки. Науч. доклады высшей школы. 2023. № 5. С. 71–77. DOI: 10.20339/PhS.5-23.071.

Кольшева Е. Ю. Становление образа Ивана Бездомного в истории текста романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Актуальные проблемы обучения русскому языку XIII / S. Koryčánková (ed.). Brno: Masarykova univerzita, 2018. С. 441–448.

Лесский Г., Агарова К. Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». М.: Радуга, 2007. 520 с.

Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/18.htm (дата обращения 03.12.2023).

Kolyshcheva E. The Space of Light and Darkness in the Context of the Creative History of M.A. Bulgakov's Novel the Master and Margarita // Current issues of the Russian language teaching XIV. S. Koryčánková, A. Sokolova (eds.). Brno: Masaryk University Press, 2020. p. 163–173. DOI: <https://doi.org/10.5817/CZ.MUNI.P210-9781-2020-20>

References

Belobrovtsseva I., Kulyus S. (2006). *Roman of M. Bulgakov "The Master and Margarita"*. Comment. Tallinn, Argo, 420 p. (In Russian).

Bulgakov M.A. (2014). *Master and Margarita. A complete collection of drafts of the novel. The main text: in 2 vols. Comp., textol. prepar., publ., pref., comment.* E. Yu. Kolyshcheva. Moscow, Pashkov House, vol. 1, 840 p., vol. 2, 816 p. (In Russian).

Bulgakov M.A. ["The Master and Margarita"] "Son...", "<Tour...>", "<P [Odkova foreigner?]>", "<Black Magician>" – a novel (with variants of the name). First edition (chapters 1 – beginning of 15th). 1928(?) – beginning of 1929. Autograph with pencil and ink. *Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library*. Fund 562. Catalog 6. Storage unit 1. 180 l. (In Russian).

Bulgakov M.A. ["The Master and Margarita"] ["The Hoof of an Engineer"] is a novel. Second edition (chapters 1–4, end of 7th, 15th). No earlier than 1928 – no later than May 1929. Autograph with a pencil and ink and the hand of L.E. Belozerskaya. *Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library*. Fund 562. Catalog 6. Storage unit 2. 134 l. (In Russian).

Dal V. (2003). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. in 4 vols. Vol. 1: A – Z. Moscow, Rus. language – Media, 699 p. (In Russian).

Dal V. (2003). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. in 4 vols. Vol. 4: R – V. Moscow, Rus. language – Media, 688 p. (In Russian).

Devyatova N.M. (2021). Introductory-modal words and their pragmatic meanings. *Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education*, no. 1, pp. 14-20. DOI: 10.20339/PhS.1-21.014. (In Russian).

Kolyshcheva E.Yu. (2023). Solar space in the history of the text of the novel by M.A. Bulgakov "The Master and Margarita" (part 1). *Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education*, no. 5, pp. 71-77. DOI: 10.20339/PhS.5-23.071. (In Russian).

Kolyshcheva E.Yu. (2018). The formation of the image of Ivan Homeless in the history of the text of the novel by M.A. Bulgakov "The Master and Margarita". *Actual problems of teaching Russian XIII*. S. Koryčánková (ed.). Brno, Masarykova univerzita, pp. 441-448. (In Russian).

Kolyshcheva E. (2020). The Space of Light and Darkness in the Context of the Creative History of M.A. Bulgakov's Novel the Master and Margarita. *Current issues of the Russian language teaching XIV*. S. Koryčánková, A. Sokolova (eds.). Brno, Masaryk University Press, pp. 163-173. DOI: <https://doi.org/10.5817/CZ.MUNI.P210-9781-2020-20>.

Lesskis G., Atarova K. (2007). *Guide to the novel by Mikhail Bulgakov "The Master and Margarita"*. Moscow, Rainbow, 520 p. (In Russian).

Tresidder J. (1999). *Dictionary of Symbols*. Trans. with English S. Palko. Moscow, FAIR-PRESS, 448 p. Available at: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/18.htm (accessed 03.12.2023). (In Russian).

Сведения об авторе

Колышева Елена Юрьевна – канд. филол. наук, доцент, доцент департамента методики преподавания социальных и гуманитарных наук, Институт гуманитарных наук, elenakolysheva@yandex.ru

Information about the Author

Elena Yu. Kolysheva – Ph.D. in Philology, associate professor, associate professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences Methodology Teaching, Institute of Humanitarian Sciences, elenakolysheva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 12.04.2024.

The article was submitted 16.01.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 12.04.2024.